

Проблема читателя в прозе писателей Тюменского Севера

Вопрос о читателе - одна из важнейших проблем литературы Тюменского Севера. Она обусловлена статусом младописьменных литератур, которые не имеют писательской традиции и ориентированы на литературную традицию других народов, русского, в первую очередь. Их настоящий читатель воспитан этой традицией. Немалое значение имеет факт, что в национальной среде, которую представляют писатели Севера, литература оказывается почти невостребованной в силу малочисленности народа, сознание которого, к тому же, сформировано преданием. В подобной ситуации, по словам Г.Гачева, "писать для своего народа" может стать "самоубийственным рецензом" - "тогда писатель из малого народа не сможет существовать, ибо несколько тысяч его народа не создают ему аудиторию". Помимо прочего, особенности быта малых народов Тюменского Севера создают дополнительную сложность общения художника с родной ему национальной аудиторией.

Итак, по многим причинам оказывается, что произведения писателей Тюменского Севера обращены к читателю с иным менталитетом, иной системой ценностей. Это обстоятельство сказывается на художественной структуре многих произведений, формирует специфические черты поэтики северной литературы.

Характерная для большинства современных произведений Тюменского края риторичность в творчестве писателей-северян получает дополнительную мотивацию - она служит для целенаправленного воспитательного воздействия на человека из чужого мира, не знакомого с правилами жизни малого народа. Наиболее простым и показательным приемом, выражающим риторическое начало текста, является прямое обращение, своего рода проповедь, которая ставит художественный сюжет в положение иллюстрации, иносказания-притчи.

Функцию риторического обращения не обязательно выполняет слово, оно может быть выражено жестом, подобно уходу Анны Неркаги в оленеводческую бригаду с подчеркнутым приоритетом жизни, предания и национальных корней перед литературой. Голос писателя - это голос публициста, воспитателя, участника спора, аргументом в котором становится искусство. В системе персонажей

многих произведений выводится герой-резонер как форма прямой передачи информации, наряду с околичностью художественного повествования. Этот герой может присутствовать в нескольких текстах одного автора, не изменяя голоса, оставаясь отражением авторского слова. Однако его идеологическое содержание изменялось во времени.

В 60-70-е годы герой-резонер был посредником, связующим звеном между разными национальными мирами. Он учил и учился. Его функция предопределяла двойственность стиля, в котором повествование-рассказ прерывалось комментариями, пояснением значения поступков, слов, мыслей, которые "чужой" читатель не смог бы расшифровать, не будучи знакомым с миром национального предания. Таков Микуль в ранних повестях Е. Айпина, Сергей в повести Ю. Шесталова "Тайна Сорни-най", Анико А. Неркаги ("Анико из рода Ного")... Каждый из названных персонажей находится на границе национальной и инонациональной среды, представляет свой народ перед русским читателем, будучи и художником, и этнографом, и филологом. В потенциальном читателе авторы были склонны видеть друга, желающего и способного научиться другому языку, подобно тому, как сам автор овладел языком своего собеседника.

Утопичность этой идеи была осознана к началу 80-х годов, когда в отношении к русскому миру уже определились иные идеологические доминанты. Он чаще оценивается как враждебная среда, откуда исходит угроза для Севера, его коренных жителей. В повести Р. Ругина "Гул далекой буровой" сюжет повторяет основные эпизоды другого произведения этого автора "По следу", и данное наложение ведет к мысли о неизбежности кровавого конфликта между ханты и русскими. "По следу" рассказывает о том, как герой вынужден убить медведя, потому что Старик нарушил древние запреты, нанес обиду человеку, разорив его жилище, нарушив покой предков, убив собаку-друга. Русские колонизаторы ("Гул далекой буровой") совершают ряд аналогичных поступков. Кульминация повести не прописана, но она мыслится в перспективе другого сюжета. Человек - представитель русского мира - квалифицируется в прозе писателей Тюменского Севера как источник опасности, угрозы, враждебная сила, которой должно противостоять. Перед нами образ потенциального читателя, и диалог с ним в последнее десятилетие приобрел небывалую идеологическую остроту.

Мыслимый, ожидаемый читатель произведения включается в систему его персонажей, в нем персонифицируется одна из сторон

оппозиции "свой - чужой". Появление "чужого" персонажа делает мир неустойчивым, провоцирует сомнение, беду, даже если сам он не совершает никакого преступления. Так, в повести Е. Айпина "Я слушаю землю" соседство "лихих искателей" вынуждает жителей навсегда покинуть Гору Осеннего Селения и вообще землю, покинуть преждевременно, "до срока". Глава с описанием заброшенного селения является переломным моментом в сюжете, отмечает переход от светлых воспоминаний о детстве к рассказу о последних утратах, которые в контексте всего произведения воспринимаются как следствие рокового "соседства", хотя по времени предшествуют ему.

В романе "Ханты, или Звезда Утренней Зари" Е. Айпин, не заботясь о целостности художественного повествования, использует обширные публицистические рассуждения, оснащенные данными демографических и экономических исследований. Он практически опровергает вероятность какого-либо иного, помимо трагического, разрешения конфликта. Все индивидуально-личностные переживания героев, их попытки вернуть золотой век национального мифа, заселить его людьми натываются на неопровержимую логику цифр, "чужую" логику, убеждающую в закономерности тотального одиночества, заброшенности северного мира, его обреченности.